

Китель в память о войне

Виталий ЩУР держит в руках китель, в котором 36 лет назад вернулся из Афганистана. Но не только он остался у него с той войны. «Свежи воспоминания, хотя и прошло много лет. Не могу ничего забыть, не получается. Слишком всё это болит», - признаётся ветеран.

В АФГАН 22 ИЮНЯ

- Меня призвали в армию 28 марта 1982 года. Попал в Марьину Горку, откуда пять суток ехал поездом в учебную часть города Термеза в Узбекистане. Выходить запрещали. Мы не знали, что попадём в Афган, но предполагали на 99 процентов, так как были записаны вграничную команду 280. Это значит, служба должна была проходить в Германии, Чехословакии или, если на востоке, то в Афганистане. В учебке записали в снайперскую роту. Пока проходил общевоинскую подготовку, похудел на 14 килограммов. 15-километровые кроссы в 30-градусную жару забирали много сил. Символично, что в Афган я попал 22 июня, а вернулся домой 9 мая. На вертолёте нас доставили в Баграм, оттуда на КАМАЗах повезли к месту службы в 177-й мотострелковый полк 108-й дивизии. И тут по бортам кузова что-то застучало. Мы не поняли, в чём дело. Смотрим - дырки какие-то на бортах. Оказалось, попали под обстрел, но, слава Богу, никого не зацепило.

К тяготам службы в первые дни добавились болезни. Дизентерию я перенёс ещё в Термезе. В Афганистане меня Бог миловал, но другие солдаты повально болели желтухой, брюшным тифом и менингитом. Можно было спокойно схватить простатит. В горах солдаты ложились спать на горячие от солнца камни, которые к двум часам ночи

мгновенно замерзали. Если не успевал спрыгнуть, можно было ещё и почки застудить. Но мне очень повезло с командирами, которые помогали справляться с трудностями. Они были настоящими офицерами. Похожих людей я мало встречал потом в своей жизни. Благодарен и всем нашим медикам, которые делали невозможное, чтобы спасти раненых.

ДРАНИКИ ПО-УЗБЕКСКИ

- Как питались? Из Узбекистана шла картошка, из которой однажды я решил сделать драники. Начал жарить, а лепёшки скукожились в горошины! Потому что овощ состоял из одной воды. Вот такие драники по-узбекски. Получали мы и нарезанную тоньше, чем чипсы, картошку в бумажных пакетах. Бросишь её в казан - и через пять минут эта масса разбухла, превращаясь в подобие съедобного клея. Ели зелёные помидоры из металлических трёхлитровых банок. «Красная рыба» всегда была. Так мы называли кильку в томатном соусе. На жаре в 56 градусов она становилась комом в горле. Начиналась страшная изжога. Мы эти консервы бросали под танк, иначе они могли достаться духам. А когда спускались с гор и тяжело было нести тушёнку, ставили банки в ряд и простреливали насквозь. Говядина портилась на жаре, и душманы не могли подобрать за нами мясо, чтобы съесть.

Общались мы и с местным населением. Подъезжали к дуكانу (торговой лавке), где нас окружали бачата (дети). Они просили звёздочки, гильзы. Только успевали отгонять. Если зазеваешься, подсумок с патронами могли свистнуть или флягу срезать с ремня. Самое страшное, если они тебе гранату в карман засунут.

Бывали и такие случаи. Тут нужно понимать, что это была скорее партизанская война. Местный житель с тобой разговаривал, как с другом, а когда ты отворачивался, мог камень в спину пустить, а то и пулю. Из наших гильз от крупнокалиберных пулемётов или пушек БМП они делали, к примеру, шикарнейшие фугасы. Афганцы - это воины, которые сражались ещё со времён Александра Македонского. Но даже у него не получилось завоевать этот воинственный народ.

ПЕРВЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ

- Тяжелее всего переживал гибель первого и последнего товарищей. Как это случилось в первый раз? Мы услышали выстрелы недалеко от нашего укрепленного поста, который находился в районе городка Джабаль-ус-Сарадж. Звуки шли из сада, где росли деревья шелковицы и миндаля. Пошли проверить, - нарвались на духов. Один из них был с ручным пулемётом Калашникова. Он огрызнулся. Мы ответили. Пулемётчик красиво засел: не обойти, не выкурить. Тут и ранило моего друга Серёгу Речкунова. «Давайте за подмогой, а я буду отстреливаться», - сказал он и остался на месте с ещё одним бойцом. Только мы отошли метров на 15, как услышали крик: «Серёга убит!» Крепко его зацепило.

Понимаете... Полчаса назад сидели рядышком, ели из одного котелка, куском хлеба делились. А теперь он лежал убитый духами. Никаких эмоций не было, кроме бешеных. В такие минуты ты становишься мужчиной. Солдатом в полном смысле этого слова. Всё - цветочки закончились, начались ягодки. У меня произошло полное внутреннее переосмысление. Кто я есть и что делаю на войне. Это очень

тяжело, это ужасно трудно...

А последние погибшие были из артиллерийской батареи, где я восемь месяцев дослуживал после госпиталя командиром отделения связи. И хотя к тому времени я демобилизовался, сослуживцы мне всё рассказали. А дело было так. Банда сбила вертушку (вертолёт). Наши бойцы подошли, чтобы узнать, что стало с пилотами, и попали в засаду, организованную духами. Бой был крайне скоротечный. Их всех там положили кинжальным «огнём». 17 человек. Мой товарищ командир взвода, старший лейтенант Ивлев погиб первым. Дольше всех оставался в живых рядовой из моего отделения Миша Василенко, который забился в расщелину в скале. Он до конца кричал по рации, чтобы ударили по духам из «Града». Лупанули всем, что есть! На место боя выдвинулись 150 бойцов на БТРах. Что же они обнаружили? Наших солдат, которых духи двумя-тремя выстрелами из автоматов добились в живот. Есть предположение, что это сделали афганские подростки, которых учили таким образом преодолевать страх и вырабатывать привычку убивать. А погибшего бортинженера пришлось из вертолёта «кошкой» вытягивать, так как душманы его заминировали. Поймите, это был жестокий мир. Это была война.

Я помню всех погибших за почти два года, проведённых в Афгане. Федю Сыча, Витю Королькова из-под Светлогорска. Раненый, он остался с пулемётом прикрывать отход своих. В 90-е я ездил к его маме. Как она плакала, когда рассказывала, что осталась одна...

ЧТО ТАКОЕ БОЙ?

- Что такое бой? Это испытание на крепость духа, знания и умения.

Это первоначальный страх в твоей душе. Но при этом нужно выполнить задачу и остаться в живых. Главной целью снайпера был человек, вернее враг. Уничтожить его, скажу откровенно, не так просто. Крайне тяжело. Родители учили меня не обижать слабых, любить людей, мир, в котором мы живём. А тут тебе дают винтовку и говорят: «Там враг, его надо уничтожить». Но как? Я же был человек, сделанный из совершенно другого теста. Был хорошим пионером, комсомольцем. Значит, должен был быть и хорошим солдатом. Если Родина сказала, значит, надо. Но не получалось сразу, пока не погиб Сергей Речкунов.

Чтобы выжить, нужно было держать голову холодной. Бывало, и мне попадало. О лёгком осколочно-касательном ранении в ногу даже не хочется говорить. Перевязочный пакет разорвал, бинт наложил - и вперёд. А вот контузило меня сильно. Как было дело? В момент, когда я «снял» пулемётчика, меня подсёк гранатомётчик. Он вlepил гранату в дувал (глино-битную стену) метрах в пяти от меня. Взрывная волна дала по ушам, может быть, поэтому сейчас на оба уха плохо слышу. Началась сильная тошнота, голова раскалывалась, ничего не видел. Подбежал медбрат, и я потерял сознание, казалось, что это мои последние минуты на земле. И хотя в госпитале зрение постепенно восстановилось, из снайперов меня всё же перевели в артбатарею.

Поймите, у нас не было цели завоевать эту горную страну. Помочь им - да. Многие забывают, сколько там предприятий, школ, дорог, мостов было построено солдатами и офицерами. А какой микрорайон мы отгрохали в Кабуле. Всё на наших плечах. А сколько мы им оставили социальных объектов. Про это все

забывают. И просят рассказать что-то душещипательное.

БОЛИТ ДО СИХ ПОР

- Моё возвращение домой напоминало военную спецоперацию. С боевым товарищем Витей Латковичем я приехал в Кабул на БТРе. Едем по взлётке, а самолёт уже взлетает. Опоздали. Переночевали в бронетранспортёре, улетели утром в Ташкент. Вышли из самолёта с десантниками и землю целовали, вот вам крест! На колени встали и целовали. Мы дома. Война закрыта, закончилась. Её нету, - глаза Виталия Щура заволакивают слёзы. - Вот как это было. Так нам домой хотелось. Вернуться живыми... Простите, - ветеран вытирает глаза рукой.

Потом мы никак не могли улететь в Москву, потому что шкуродёры-спекулянты скупили все билеты. Мы поехали на ЖД вокзал, стали возле кассы, сцепившись руками, чтобы никого не подпустить. С трудом взяли билеты до Москвы, а когда оказались в Минске - услышали на улице короткий, резкий свист. Мина! Мы бросились на асфальт к стене здания. Сработал рефлекс, приобретённый на войне. Люди, которые проходили мимо, наверное, удивились странному поведению двух солдат. А мы поднялись, отряхнулись и увидели трамвайчик, который проскрипел колёсами. Скажу больше: после войны я год в троллейбусе ездил возле большого окна, двери или люка. Думал: если на мину нарвёмся, то хотя бы выбросит взрывной волной через люк или сам окно успею разбить. По вечерам не мог дома сидеть, нужно было куда-то идти. Я брал зонтик, хотя не было дождя. Для спокойствия в руках нужно было что-то нести, как автомат, к которому я сильно привык.

Пешком от Старого Аэродрома шёл к центральному парку. Делал там круг и возвращался домой. Выработывал норму хождения, к которой привык в Афгане. Нам в Советском Союзе говорили, что самый тяжёлый возраст наступит через 7-8 лет после войны. Но посттравматический синдром как-то не проходит. Война нас догнала и в 40, 50, и в 60 лет.

Когда теряешь близкого друга, видишь раненых, сам участвуешь в бою - это меняет тебя. Мы были простыми солдатами. И как нам это забыть? С этим же надо жить. Это внутри сидит. 36 лет прошло, а оно всё сидит. В этом и есть посттравматический синдром. Поэтому не зря в некоторых западных странах тем, кто участвовал в боевых действиях, дают третью группу инвалидности. Афганистан - это большая школа жизни. Там ты понимаешь цену воды и хлеба. Ценность простых вещей. Афган - это ложь и предательство, но в то же время безмерная любовь к Родине, любимым и родным. Это дружба, которая навсегда, которая крепче братства. Это огромная эпоха в жизни моего поколения. Часто мы вспоминаем Афганистан с болью, но и с эпитетом, потому что это что-то святое, что было в нашей жизни. Хотя было много боли, которая не утихла до сих пор.

Дмитрий ЧЕРНЯВСКИЙ «В»